

СЧАСТЛИВОЕ НАЧАЛО

**АКТЕРЫ
И РОЛИ**

С чего и когда начинается путь в искусство?

У артиста Ленинградского ТЮЗа Николая Иванова все началось... со сказки Ершова «Конек-Горбунок». Это была первая и любимая книжка Коли, как, впрочем, и очень многих ребят. Позднее, в школьные годы, участвуя в самодеятельности, он мечтал сыграть сказочного Иванушку. И еще мечтал поступить в цирковое училище, чтобы стать клоуном. Научился жонглировать, показывал смешные фокусы. Одна из старейших тюзовских актрис С. Ш. Иртлач, руководившая драматическим коллективом, в котором занимался Иванов, посоветовала ему попытаться свои силы на экзаменах в студию Ленинградского ТЮЗа. А в 1963 году, едва окончив студию, Иванов дебютировал на сцене Театра юных зрителей в классическом его спектакле «Конек-Горбунок». Он играл Иванушку.

Роль как нельзя более соответствовала природным данным двадцатилетнего актера. Впрочем, слово «актер» в привычном понимании не слишком-то подходило к облику этого долговязого, худощавого, чуть нескладного юноши с ломким мальчишеским голосом. Обаяние его Иванушки крылось в этой смешной несуразности, в ребячливом добродушии незамысловатой и чистой души. Иванушке было захватывающе интересно жить в мире сказочных диковин, и к своим собственным опасным злоключениям он относился, как к занимательной и озорной игре. Злому самодурству царя, козням придворных он противопоставлял увлечение жизнью, доверчивость и доброту.

Содержание образа возникало неосознанно, определялось всем внутренним складом актера. А комический грациозно-угловатый рисунок роли, веселая рискованность жестов, движений говорили о незаурядных пластических возможностях, столь необходимых для актера детского театра, с его традициями синтетического мастерства.

В первых ролях Иванова и привлекала прежде всего ярко характерная внешняя выразительность. Внутренняя их жизнь исчерпывалась обаянием наивной юности актера, его непосредственности. Поначалу это казалось достаточным. Радость узнавания революционного мира, открытого «настежь бешенству ветров», была в его буденовце из спектакля «Олеко Дундич» — тоненьком парнишке в большом красноезвездном шлеме. Роль на одну-две реплики, а звучание ее оказалось отчетливым и поэтичным. А вот еще один очень выразительный эпизодический персонаж Коли Иванова: Свиновод в постановке «Дон Кихот». Этот потешный и незлобивый малый, до смерти перепуганный нахальной бабенкой, вызывает смех и безусловное сочувствие.

В чем основа таких удач? В счастливом совпадении артистической фактуры и материала роли? Возможно. Но в последнее время Иванову поручаются роли, все более сложные, объемные, требующие все большего духовного багажа.

Раздумья юноши, выбирающего свою позицию в остром жизненном споре, передавал актер, играя Рому Анферова, секретаря школьного комитета ВЛКСМ в спектакле «Тебе посвящается». Его Рома принимал решения медленно, с тягеловатой углубленностью, но зато отстаивал их убежденно, без тени позы. Высокий нравственный потенциал угадывался в серьезности его размышлений, в его оценках окружающего, в особой сосредоточенной манере разговаривать, спорить. И при всем том в нем не было скучной, преждевременной взрослости. Он оставался смешным, длинноногим, несурово вытянувшимся мальчишкой. На роль Саши Зеленина в одном из лучших тюзовских спектак-

лей «Коллеги» Иванов был введен два года спустя после премьеры. Первый исполнитель Зеленина А. А. Яковлев играл интеллигентную и духовную зрелость вступающего в жизнь молодого человека, гармоничного и явно незаурядного. Иванов играет юность, еще не защищенную жизненным опытом, юношескую мечту о служении людям. За него даже немного страшно: среди своих молодых коллег он выглядит самым неприспособленным к трудной профессии врача, да еще в деревенской глубинке. Но именно чистота юношеского сердца, верность мечте оказываются твердой опорой во всех испытаниях.

Наибольшие сложности для исполнения таила в себе сыгранная Ивановым в минувшем году роль дяди Шуры из постановки «Треньбрень». Дядя Шура — своеобразный ведущий спектакля — лицо от театра. Он выражает сокровенные мысли автора, его нравственную и эстетическую позицию. И в то же время дядя Шура — непосредственный участник действия. Согласно сюжету пьесы он работает клоуном в цирке. Так неожиданно претворилась в жизнь детская фантазия Иванова — стать клоуном. Пришлось и фокусы показывать, и жонглировать, и бегать на роликах, и падать, и смеяться, когда не смешно, а грустно. Все это на первых порах поглощало слишком много внимания у молодого актера, однако от спектакля к спектаклю все явственнее проступает у него внутренняя сущность образа. За клоунадой дяди Шуры — Иванова все больше ощущаются серьезность отношения к жизни и людям, доброта большой, отзывчивой души.

Я рассказала не обо всех сценических работах Николая Иванова. Он играет много — и главные, и второстепенные роли, и в массовках. И всегда с одинаковым увлечением и ответственностью. Не в силу ли этого активного отношения к жизни и чувства ответственности он вот уже более трех лет — бессменный секретарь комсомольского комитета театра? И к нему, несмотря на молодость, уважительно, с добром и доверием относятся в тюзовском коллективе люди разных поколений.

У актерской судьбы Николая Иванова — счастливое начало. К нему щедро режиссура. Он занят и в спектаклях для самых маленьких зрителей ТЮЗа, и в постановках, адресованных подросткам и старшеклассникам. А будущее актера предсказывается духовным ростом его личности и профессионального мастерства, которые в идеале нерасторжимы.

Н. РАБИНЯНЦ

22 ФЕВ 1967

Вечерний Ленинград
г. Ленинград